

Вступительная статья

В шестом томе серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» (РДМ) публикуется эпистолярное наследие Степана Васильевича Смоленского: в первой книге — переписка с С. Д. Шереметевым и К. П. Победоносцевым; во второй книге — с С. С. Волковой, а также протоиереем Димитрием Разумовским, композитором С. И. Танеевым, исследователями А. В. Преображенским и священником В. М. Металловым. Предполагается также, что деятельность Смоленского будет отражена в следующих томах — публикацией его научного наследия (работы, печатавшиеся в периодике и сохранившиеся в архивах) и материалов экспедиции на Афон в 1906 г.

Прежде всего следует констатировать, что мы до сих пор не знакомы в сколько-нибудь полном объеме с научным наследием этого без сомнения крупнейшего русского ученого-медиевиста. Труды Смоленского, на которые эпизодически ссылаются исследователи, за очень малым исключением (одно из них — предыдущие тома РДМ) не переиздавались и остаются разбросанными по разным изданиям. Ситуация усугубляется тем, что Смоленский не оставил ни одной монографии, то есть не подвел итогов своей огромной и разносторонней деятельности. Некоторые важные его идеи излагаются не в научных статьях, а, например, в докладах на заседаниях Общества любителей древней письменности (ОЛДП) или в письмах к разным лицам, иногда в Дневниках. Многое из этого не опубликовано. Отсюда неотложность восстановления истинного объема научного наследия Смоленского, то есть современного, комментированного издания его трудов, переписки и прочих документов.

Особенностью Смоленского как деятеля было выдерживавшееся на протяжении всей его жизни сочетание задач практических и историко-теоретических: отдельно они для Смоленского никогда не существовали, как не существовало для него и жесткого разделения истории русской музыки на эпохи или на проблемы — он всегда занимался всем и сразу, хотя преимущественно, конечно, церковным пением. Отсюда проистекала незавершенность многих начинаний, ибо нельзя объять необъятное, но отсюда — и огромный качественный скачок, совершенный Смоленским в науке о русском церковном пении, в частности, полное преодоление им того противоречия, по поводу которого сетовал еще князь В. Ф. Одоевский: беда, говорил он, в том, что наши музыканты — не археологи, а археологи — не музыканты. Смоленский несомненно был и тем и другим в гармоничном соотношении.

Весьма благоприятным также было то обстоятельство, что как ученый и как практик — педагог, регент, музыкант (игравший на скрипке в любительских оркестрах и ансамблях) Смоленский сложился в Казани, в среде Казанского университета и Казанской духовной академии, которая переживала тогда большой расцвет. Окончив юридический (а впоследствии сдав экзамен и за

географический) факультет университета, он пришел педагогом в Учительскую инородческую семинарию, где работал много лет под руководством такого замечательного педагога и ученого, как Николай Иванович Ильминский (дядя Степана Васильевича по материнской линии). В связи с потребностями семинарии и собственными склонностями Смоленский начал работу с ученическим хором, певшим за богослужениями, и деятельность по приспособлению переводов богослужебных текстов на разные языки народов России, преимущественно Поволжья, к традиционному русскому церковному пению. Время службы в семинарии, с 1872 по 1889, то есть до сорокалетнего возраста, было для него очень счастливым и плодотворным. Первым научно-практическим результатом этих лет стал «Курс хорового церковного пения» (в цифровой нотации), который выдержал впоследствии целый ряд усовершенствований и переизданий. Тогда же, в 1876, автору «Курса» пришла в голову мысль при поездке в Москву познакомиться с автором единственного историко-теоретического курса по церковному пению, то есть с протоиереем Димитрием Васильевичем Разумовским. Этот эпизод красочно описан в Воспоминаниях Смоленского (РДМ. Т. IV): казанский педагог не знал, для чего вообще нужны крюки, а почтенный протоиерей, разгневавшись, заявил: «Если не поешь по крюкам — пошел вон». Готовящаяся к печати (в следующей книге) замечательная переписка Разумовского со Смоленским, продолжавшаяся вплоть до кончины Димитрия Васильевича, показывает, что Смоленский, к концу 1870-х уже взявшийся вместе с другими профессорами Казанской духовной академии за описание рукописей переданной в академию Соловецкой библиотеки, в середине 1870-х еще плохо понимал, что такое крюки и зачем они ему могут быть нужны.

Этот момент совпал с тем, что можно назвать мировоззренческим кризисом: в порыве патриотизма Смоленский даже собрался идти добровольцем на русско-турецкую войну, к генералу Михаилу Черняеву, но в конце концов остался в Казани и занялся прояснением собственных «русских начал». Это привело его к знакомству с казанскими старообрядцами, затем он попросился на выучку к местному уставщику общины белокриницкого согласия и дошел в знании знаменного пения до такого уровня, что получил от старообрядцев приглашение «к нам в попы». Таким образом, изучение знаменного пения Смоленский начал на практике, по душевной потребности, одновременно занимаясь теорией — исследованием соловецких рукописей и готовя к печати так и не увидевшее света описание этих рукописей (в «Православном собеседнике» в 1887 было издано только предисловие — «Общий очерк исторического и музыкального значения певчих рукописей Соловецкой библиотеки...»; найдены также весьма многочисленные «снимки» с листов рукописей, выполненные Смоленским и его помощниками). Кстати, переписка Смоленского с Разумовским данного периода — удивительный памятник сотрудничества ученого старшего и ученого начинающего. О. Димитрий со свойственным ему бескорыстием учит младшего коллегу, советует, отвечает на многочисленные

вопросы, посылает в Казань певческие рукописи, иногда очень ценные. В итоге через несколько лет, к моменту начала работы над изданием «Азбуки старца Александра Мезенца» (то есть к 1886) — опять-таки по рукописи, полученной от знакомых старообрядцев, — Смоленский из человека, не знавшего, зачем нужны крюки, превратился в настоящего ученого-медиевиста, притом страстно убежденного в превосходстве крюковой системы записи церковных песнопений над любой другой.

Кроме описания соловецких рукописей и издания Азбуки Мезенца имелся еще один неосуществленный, но, кажется, вновь приобретающий актуальность в наши дни проект: издание полного певческого Круга на крюках, но с новыми редакциями богослужебных текстов. Этот проект подробно обсуждается в почти неопубликованной огромной переписке Смоленского с Сергеем Александровичем Рачинским, продолжавшейся с начала 1880-х до 1902. Дело в том, что вышедший в 1884—1885 под эгидой Общества любителей древней письменности крюковой Круг, составленный старообрядцем Иваном Аверьяновичем Фортовым под редакцией Разумовского, не удовлетворил даже старообрядцев разных согласий (в Круге излагается только «белокриницкая» редакция песнопений, и часто именно та, которая была принята в руководимом Фортовым так называемом Морозовском хоре). Тем более этот Круг не мог применяться в богослужении синодальной церкви, а Смоленский полагал возможной такую ситуацию и хотел способствовать ее возникновению изданием нового крюкового Круга. Довольно любопытна переписка Смоленского в начале 1890-х с Василием Михайловичем Металловым, тогда саратовским священником и педагогом местной семинарии, который занялся составлением собственной крюковой азбуки. Металлов стремился создать пособие, удобное для усвоения семинаристами и слушателями миссионерских курсов, которым предстояло «работать со старообрядцами» и следовало не ударить перед ними в грязь лицом в крюковом пении. Смоленский же шел прежде всего от художественного значения крюковой нотации со всеми ее тонкостями и нюансами. Это, с одной стороны, очень похоже на мнение о древних роспевах, высказанное в предшествующем поколении князем Одоевским, а с другой стороны, на то, как вникал в церковнославянские тексты главный казанский наставник Смоленского Николай Ильминский (см. фрагменты его писем в Приложении к переписке с К. П. Победоносцевым).

О знаменном пении как живом явлении идет речь в составленной Смоленским и Разумовским и даже принятой в 1886 на испытание программе по церковному пению для духовных учебных заведений — через два года программа была отменена, потому что некому было по ней преподавать. К Кругу должна была прилагаться и новая крюковая азбука, приуроченная к пониманию современного человека: ее проекты сохранились в архиве Смоленского, к ним он возвращался в последние годы жизни, но они так и остались проектами. Сейчас было бы уместно вернуться к подобным идеям в связи с тем, что в целом

ряде храмов России поют или пытаются петь по крюкам, и встают вопросы, что и как петь, по каким руководствам и как учить, нужно ли копировать приемы той или иной старообрядческой традиции или идти каким-то иным путем. На последний вопрос Смоленский, при всей своей пламенной любви к старообрядчеству как феномену русской народной жизни, отвечал: идти иным путем.

Далее, с 1889, в жизни Смоленского начался продолжавшийся 12 лет московский период, когда, стоя во главе Синодального училища и хора, он, казалось бы, не имел времени для больших научных работ, но когда была приготовлена столь обширная база для них, что эта база служит ученым и сейчас. Речь идет, конечно, о собрании древнепевческих рукописей Синодального училища, которое целиком — детище Смоленского. Что касается научного осмысления этого огромного моря материалов, то оно лишь в некоторой степени осуществлено в опубликованных не очень больших по объему работах: брошюре «Обзор Исторических концертов Синодального училища церковного пения в 1895 году» (см. первую книгу II тома РДМ), докладе в ОЛДП «О древнерусских певческих нотациях» (1901) и, конечно, в прекрасном очерке, напечатанном «Русской музыкальной газетой» в 1899 — «О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения» (см. первую книгу II тома). Можно упомянуть в этой связи и опубликованные посмертно работы «О русской хоровой церковно-певческой литературе с половины XVI века до начала влияния приезжих итальянцев» и «Значение XVII века и его “кантов” и “псалмов” в области современного церковного пения так называемого “простого напева”», которые тоже основаны на рукописях Синодального училища. Однако это лишь вершины проделанной Смоленским работы: основную плоть ее составляли так называемые каталоги и «сравнительные изложения», о которых идет речь в статьях и в переписке Смоленского и судьба которых не вполне ясна.

В статье «О русской хоровой церковно-певческой литературе...», в письмах к Шереметеву и Волковой Смоленский упоминает составленные им тематические каталоги знаменных духовных стихов, нотных духовных стихов, многоголосных крюковых партитур, кантов и псалмов, концертов и служб Божиих (отдельно по каждому жанру и по количеству голосов в партитуре), хоровых трезвонов, малых многоголосных нотных композиций, а также тематические указатели по этим каталогам. Из нотных каталогов, составленных Смоленским, известны три, причем один из трех — «Систематический указатель библиотеки рукописей Синодального училища» — находится ныне в Историческом музее. Там же имеется огромный по объему том «Обиходы по рукописям Синодального училища»: инципитный каталог одноголосных нотолинейных песнопений всех эпох, расписанный по служебным последованиям. Кроме того, в Историческом музее хранится несколько ненотных каталогов по разным жанрам, представленным в рукописях Синодального училища (Октоихи, Триоди и Минеи общие; Тропари, Седальны и полные Каноны праздников;

Ирмологи; Трезвоны, а также едва начатое описание Ирмологионов великих южно- и западнорусских). В РГИА в фонде Смоленского имеется нотный «Каталог русского пения в XVII и XVIII веках», который еще Н. Ф. Финдейзен, занявшийся архивом ученого сразу после его кончины, назвал «громадным и чудесным». Между тем, в письме Смоленского к С. С. Волковой от 28 августа 1905 (публикуется в следующей книге) речь идет о девяти томах:

...Считаю главной и самую желательной для себя работою именно каталогические и описательные рукописные обозрения. Эти работы, как Вы уже знаете, мною почти закончены в огромных 9 томах, и мне надо для них только некоторое улучшение моего материального положения и затем определенность пользования рукописями Синодального училища.

Тут же Смоленский поясняет состав томов:

Содержание этих каталогов (их 3 — одноголосных, 2 — четырехголосных и 2 многоголосных сочинений, 2 — духовных стихов) столь полно, что их можно было бы назвать не каталогами библиотеки Синодального училища, а вообще сводом всех композиций, найденных до сего времени.

Хранящийся в Москве каталог по Обиходу Смоленский неоднократно упоминает в своих письмах и Дневниках как работу почти законченную и очень для него дорогую. Что касается «Каталога русского пения...» из РГИА, то он в своих рубриках охватывает как раз всю тематику, изложенную в письме к Волковой как «почти законченную в огромных 9 томах». Собственно, каталог из РГИА делится на две части: как обозначает Смоленский, «ненотную» и «нотную». Первая часть представляет собой перечисление композиций по рубрикам: 3-голосные концерты и Службы Божии; партесные сочинения на 8 голосов; 16- и 24-голосные сочинения; хоровые трезвоны; партитуры, составленные из отдельных партий; знаменные и демественные партитуры; знаменные духовные стихи; в конце — указатель авторов сочинений и переложений. Вторая часть каталога — инципитная, по рубрикам: одноголосные духовные стихи; 1- и 3-голосные светские песни; 4-голосные обиходные песнопения; оды, канты, псалмы; 8-голосные композиции и переложения; Службы Божии на 12 голосов; 12-голосные композиции и концерты; тематический указатель переложений Обихода и Праздников (для восстановления песнопений по сохранившимся партиям). В примечании к каталогу Смоленский поясняет, что он является копией каталога, начатого им в 1896 и оставленного в Синодальном училище. Встает естественный вопрос: а где «9 огромных томов»? Существовали ли они вообще? Были ли уничтожены во время «чистки» в фонде Смоленского в РГИА, которая имела место в 1949, когда было уничтожено около 10 килограммов разных материалов? В документах Смоленского речь идет и о способе

издания этих томов — а именно, литографическом. До литографирования дело не дошло, и похоже, что бесценный материал утрачен навсегда, хотя, возможно, что-то еще найдется в недоразобранных фондах ОЛДП в Российской национальной библиотеке, как нашлись совсем недавно считавшиеся утраченными материалы Афонской экспедиции Смоленского.

После двенадцати лет работы в Синодальном училище Смоленскому пришлось покинуть Москву, и последующие два с половиной года он был занят буквально с утра до ночи на посту управляющего Придворной певческой капеллой, которую летом 1903 опять-таки был вынужден покинуть. История отставки Смоленского и драматична, и печальна, в ней множество действующих лиц, включая императора Николая II и вдовствующую императрицу Марию Федоровну; эта история подробно освещается в публикуемых ниже переписках. Поскольку же прямым виновником увольнения Смоленского был начальник Капеллы граф Александр Дмитриевич Шереметев, а прямым инициатором назначения Степана Васильевича в Капеллу — сводный старший брат начальника, то, ощущая ответственность за судьбу своего протеже, Шереметев-старший, то есть председатель ОЛДП граф Сергей Дмитриевич, поселил Смоленского во флигеле своего дома на Фонтанке и назначил его руководителем одного из отделов Общества. Таким образом, первый раз в жизни Смоленский располагал свободным временем для научной деятельности. Правда, жить ему оставалось, считая от августа 1903-го, всего шесть лет, и на эти именно годы пришлось большая всероссийская смута, то есть первая русская революция, когда вся страна оказалась выбитой из колеи и научные занятия, конечно, шли плохо. Кроме того, последние два года своей жизни Смоленский, который не мог существовать без практической деятельности, в частности без преподавания, был поглощен организацией Регентского училища, проведением регентских съездов, созданием журнала по церковно-певческому делу и проч. Но все же именно в последние годы он часто думал о перспективах своей любимой науки, и это отражено прежде всего в письмах и Дневниках, хотя, конечно, и в самой крупной опубликованной работе этих лет — «О ближайших практических задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии» (1904). Важнейшие планы Смоленского были таковы:

1. Сводное издание всех вариантов русского обиходного пения как фундамента современного церковного пения вообще¹.

¹ Ответвлением этого плана можно считать еще один неосуществленный проект, заявленный Смоленским на заседании ОЛДП в ноябре 1903: «...Очевидное сходство... мирских и церковных напевов дает новые основания науке музыкальной теории. Принимая во внимание сказанное, является очевидною надобность издания справочного музыкально-тематического словаря как руководительного указателя для будущих научных работ и композиторов» (подробнее см. в Приложениях к книге).

2. Издание хрестоматии православного церковного пения, преимущественно древних периодов, с сопоставлением византийских и русских источников.

3. Составление описаний и каталогов певческих рукописей: по собраниям, по периодам, по жанрам песнопений; особенно важными Смоленский считал «сравнительные изложения», когда бытование того или иного песнопения либо того или иного певческого жанра прослеживается по рукописям разных веков.

4. Исследование связей византийского и древнерусского пения, а также соотношения русского пения с пением других славянских церквей.

5. Издание древнерусских певчих азбук и прочих руководств.

6. Исследование древнерусского многоголосия.

7. Подготовка к печати курса, составленного по материалам лекций, читанных Смоленским сначала в Московской консерватории, затем в Петербургском университете, а также намеченного им цикла публичных лекций, который не состоялся ввиду событий 1905 года; из всех этих материалов должен был составиться обобщающий двухтомный труд.

Представляется, что, несмотря на несомненные успехи нашей музыкальной медиевистики в последние десятилетия, «программа Смоленского» еще далеко не выполнена. Сопоставляя же планы ученого с его опубликованными работами, получаем следующую картину:

1. Сводного издания вариантов русского обиходного пения не существует. Смоленский начал эту работу на материале нотолинейных Обиходов.

2. Работа над хрестоматией, проводившаяся Смоленским совместно с А. В. Преображенским (а сначала и с С. С. Волковой), была прервана устроенной ОЛДП в 1906 научной экспедицией на Афон и ее результатами, существенно изменившими взгляды ученых на древние периоды русского церковного пения, а затем, с осени 1907, деятельностью обоих в созданном ими Регентском училище. Тем не менее планы хрестоматии и материалы к ней в некотором количестве имеются в архиве, они представлены и в публикуемых письмах. Можно заметить опять-таки, что подобной хрестоматии до сих пор не существует.

3. Ни одно из составленных Смоленским описаний рукописей (если не считать статьи «О собрании рукописей...», дающей общее представление о древлехранилище Синодального училища), ни одна из сравнительных таблиц, или, как говорил Смоленский, «сравнительных изложений» песнопений по жанрам и по хронологии, которые поглощали большую часть его рабочего времени в поздние годы, — не опубликованы, хотя эти труды представлены в архивных фондах Смоленского в достаточно полном объеме.

4. Что касается византийско-русских параллелей, то, судя по письмам, работа по предварительному описанию материалов, привезенных с этой целью

из научной экспедиции на Афон, была доведена до конца еще при жизни Смоленского. Он сделал на эту тему ряд докладов в ОЛДП, а уже после кончины Степана Васильевича А. В. Преображенский опубликовал несколько работ, опирающихся на материалы экспедиции. Частично «афонские находки» нашли отражение также в «Дорожных впечатлениях» Смоленского, опубликованных в «Русской музыкальной газете», в его отзыве на труд В. М. Металлова «Богослужбное пение Русской церкви. Период домонгольский». Еще один важный источник — «Афонский дневник» Смоленского — пока не опубликован. В его публикацию в серии «Русская духовная музыка...» планируется включить как полный текст Дневника, так и сопутствующие тексты и материалы (переписка Смоленского, Преображенского и других лиц), а кроме того, в максимально возможном количестве, фотографии — как помещенные в Дневнике снимки различных эпизодов самой экспедиции, так и образцы сделанных на Афоне и в библиотеках Вены и Софии копий с древних рукописей.

Исследования славянских роспевов, по-видимому, были только начаты Смоленским, и некоторым «промежуточным итогом» подобных изысканий можно считать опубликованную работу ученика Смоленского Анастаса Николова «Старо-болгарское церковное пение» (1905).

5. Сразу после кончины Смоленского благодаря поддержке С. Д. Шереметева вышел в свет текст, над подготовкой которого к печати ученый трудился долгое время — «Мусикийская грамматика» Николая Дилецкого, в которой сам Смоленский считал наиболее важным не руководство Дилецкого, а большой раздел, написанный диаконом Иоанникием Кореневым. Другие проекты издания древнерусских певческих руководств не были осуществлены (кроме, конечно, «Азбуки старца Александра Мезенца»).

6. Упоминания о занятиях древнерусским многоголосием проходят через работы и письма разных лет, а также через Дневники. Здесь Степан Васильевич, по его собственным словам, сталкивался с недостатком времени и сил для работы, требующей исключительной сосредоточенности и спокойствия. Однако его сохраняющие научную ценность мысли по остро дискуссионному вопросу о ранних формах многоголосия могут быть отчасти восстановлены из писем и архивных материалов.

7. Фрагменты разных лекционных курсов Смоленского были опубликованы после его кончины в «Русской музыкальной газете» и «Хоровом и регентском деле», имеются и их программы, но полностью курс не печатался и в архивах не разыскан, хотя в письмах Смоленского к Волковой в 1907 идет речь даже о средствах на печатание подобной книги. Возможно, продолжение работы с архивными материалами позволит более полно восстановить концепцию курса Смоленского, хотя полной его версии нам, вероятно, уже не найти.

Конечно, планы Смоленского были таковы, что на них не могло хватить сил одного сколь угодно талантливого человека. Председатель ОЛДП

С. Д. Шереметев пытался осмыслить Общество, которое действительно вело большую и плодотворную издательскую и исследовательскую деятельность, как самостоятельную, до некоторой степени «альтернативную» по отношению к государственным структурам (например, к Св. Синоду) организацию. Смоленский соглашался с этим, но призыв графа к «объединению сил» в области церковно-певческой «повисал в воздухе»: в постоянных сотрудниках Смоленский мог числить только верного ученика и друга, в ту пору сотрудника Придворной капеллы, А. В. Преображенского; С. С. Волкова, успешно начавшая трудиться вместе со Смоленским, довольно скоро вынуждена была по семейным обстоятельствам оставить научную работу.

В публикуемых письмах Шереметева к Смоленскому нередко высказывается сожаление о том, что он «разбрасывается во все стороны»: граф имел в виду отвлечения Степана Васильевича в сферы инородческого вопроса, Регентского училища, регентских съездов и т. п. Смоленский «разбрасывался во все стороны» и на поле собственно научном: от византийских прототипов и кондакарного знамени до оценки новых духовно-музыкальных сочинений и постановки преподавания церковного пения в современных учебных заведениях. В этом была его слабость: он не успевал излагать свои мысли в законченных больших трудах, — но в этом заключалась и его сила. Накопивший массу знаний и обладавший замечательной исторической и художественной интуицией, Смоленский первым смог осмыслить русское церковное пение всех эпох как единство. Более всего его привлекали связи между разными явлениями, перетекания одного в другое: таковы, например, его предположения о связи кондакарного пения с ранним демеством, о переработке ранних партесных переложений в простой напев и т. д. Мысль ученого всегда останавливалась на переломных исторических моментах смены старого новым, и он всегда шел от самостоятельного изучения максимально широкого круга источников, преимущественно рукописных.

Примечательно, что чем дальше, тем больше Смоленский рассматривал свой огромный многолетний труд как некий подготовительный этап, период собирания и накопления материалов. Он неоднократно пишет об этом разным адресатам, но особенно сильно и даже с надрывом звучит данная тема в очень откровенном письме от 29 ноября 1907, обращенном к И. В. Липаеву, старому знакомому Смоленского, который, затеяв журнал «Музыкальный труженик», попросил у Степана Васильевича биографические данные для статьи о нем:

Выставляют меня теперь как «занимающегося наукою» — какое заблуждение! Этой науки пока есть только едва занимающаяся заря! Этой науке еще нет даже и признания ее наукою! Я занят и буду заниматься остаток моих дней только *первою раскопкою поля для будущей науки*. Все мои последние 30 лет работы ушли на то, чтобы заставить понять представителей нашей официальной науки, что история церковного пения в России, история и исследование русской

народной песни должны быть введены (хоть бы «для желающих») в университеты и особенно в духовные академии. Но очевидная наличность материалов ныне уже подобранных не убеждает никого до соизволения признать мой предмет за «науку», — ее отрицают, ее прямо не пускают и на порог, даже и Археологического института. Поэтому все те догадки, все те умствования, которые наполняют мою голову под впечатлениями от массы материалов самых бесценных, — разве это наука? — нет, это пока просто расчистка поля, заросшего всяким бурьяном, это обхаживание на поле за всем тем, чем еще можно связать современное с нашим прошлым в деле предстоящего художественного самосознания и самоопределения, это просто чернорабочий труд ради будущей науки, которую когда-либо все-таки признают. В этом только смысле я и могу признать за собою хоть какую-нибудь цену, — я самый простой копатель канав для фундамента будущей науки, самый простой рабочий, начавший таскать камни, известь, воду, чтобы молодые работники начали кладку бута. Как тяжела эта работа, знает только моя сгорбленная и ноющая спина, но кому какое дело до этого...²

Можно допустить, что эти строки написаны в минуту большой усталости (в это время Смоленский был занят с утра до ночи устройством занятий в только что открытом Регентском училище), но в них много правды. Та закономерность жизненного пути Смоленского, о которой пишет его любимая корреспондентка Софья Сергеевна Волкова в связи с увольнением Смоленского из Синодального училища и из Придворной капеллы: его «отставляли от дел в разгар его деятельности, в то самое время, когда бывали достигнуты изумительные успехи, когда он приближался к заветной цели в налаженном и любимом труде», — эта закономерность в известной мере обнаруживается и в научной деятельности Смоленского: ему не хватало времени для раскрытия своих идей.

Может быть поставлен вопрос: почему Смоленский, уже в 1902, как следует из публикуемых писем, предчувствовавший какой-то кризис в своей жизни («со мною что-нибудь случится» — потому и начал писать Воспоминания), а к 1907, как видно хотя бы из процитированного письма к Липаеву, ощущавший упадок сил, все же взялся за новый тяжелый и неблагодарный труд по созданию училища? почему он не посвятил остававшееся время целиком своей любимой науке? Ведь С. Д. Шереметев предупреждал его в сентябре 1907:

Что касается до устройства Регентского Училища, то Вы знаете, насколько я тому сочувствую; но признаюсь Вам, опасаясь для Вас разочарований! <...> Вы лично, по свойствам Вашей художественной натуры, едва ли справитесь с житейскими мелочами, обычными, неизбежными в каждом деле. <...> Всего более опасаясь для Вас утомления и огорчений, все это может отразиться на другом, не менее нужном, как это часто бывает в жизни.

² РГАЛИ, ф. 795, оп. 1, № 34, л. 7—8.